

Описание германцев у Цезаря и аллюзии на переселение кимвров и тевтонов

Когда-то я занимался историей отряда германских телохранителей Юлиев-Клавдиев (*Germani corporis custodies*). Одним из важнейших источников по этому вопросу является фрагмент «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, в котором автор рассказывал об убийстве императора Гая Цезаря Калигулы. Германские телохранители первыми обнаружили его тело и устроили изрядный переполох в театре, где он был убит. Описывая эту сцену, Иосиф Флавий посчитал необходимым сделать отступление и рассказать своим читателям, кто такие эти люди по происхождению и что собой представляет их отряд.

«Весть о смерти Гая дошла сначала до германских телохранителей, называющихся так по народу, из среды которого они набираются. Из них же набирается так называемый кельтский легион» (Пер. Г.Г. Генкеля).

...πρώτους δὲ εἰς τοὺς Γερμανοὺς ἢ αἰσθησις ἀφίκετο τῆς Γαίου τελευτῆς. δορυφόροι δ' ἦσαν οὗτοι ὁμόνυμοι τῷ ἔθνει ἀφ' οὗ κατεiléχато Κελτικῆς τάγμα παρεχόμενοι τὸ αὐτῶν. (Jos. AJ., XIX, 1, 15).

Воспринимая текст перевода Г. Г. Генкеля буквально, я какое-то время полагал, что у Юлиев-Клавдиев было два гвардейских отрядов: собственно, «германские телохранители», о которых также было известно из других источников, и загадочный «кельтский легион», который никто кроме Иосифа не упоминал. Только по прошествии довольно длительного времени, тщательно выверив русский, а также английский и немецкий переводы с греческим текстом оригинала, я понял, что стал жертвой распространенной ошибки, поскольку прилагательное «Кельтский» (Κελτικῆς) соотносится не со словом «отряд» (τάγμα), следующим за ним в тексте, а с «народом» (ἔθνει), из представителей которого этот отряд набран. Иначе говоря, более точный перевод этого фрагмента должен выглядеть так: «они [т.е. германцы] были его телохранителями, одноименными кельтскому народу, из которого избран их отряд»¹.

¹ Автор выражает благодарность за помощь и консультации Дмитрию Минкевичу.

Итак, за одной загадкой скрывается другая, поскольку этот фрагмент текста обнаруживает, что Иосиф Флавий не различает по именам кельтов и германцев. Ту же особенность мы видим и у ряда других грекоязычных авторов римского времени, в т. ч. у Диодора Сицилийского, но наиболее она выражена в тексте Кассия Диона Кокцейяна, который является одним из важнейших источников по истории римских войн в Германии. Кассий Дион устойчиво именуется «галатами» обитателей римской Галлии, а «кельтами» – германцев, живущих на правом берегу Рейна. Притом, римскую провинцию на левом берегу Рейна он все же именуется Германией: «...к Цезарю же отходят все Галлии, [то есть] как сами галлы, так и их соседи; ибо некие кельты, которых мы называем германцами, заняли всю Бельгику, прилегающую к Рену, и дали ей имя Германии» (Dio Cass., 53, 12, 6. Пер. А. В. Махлаюка).

Со времен Цезаря просвещенные римляне знали, что кельты или галлы, живут на левом берегу Рейна, а германцы – на правом (в действительности картина была более сложной, но изучение германского этногенеза и проблемы расселения германцев сегодня не входит в круг наших задач), отчего же греки испытывали с различением кельтов и германцев такие трудности? Еще один уместный в этих условиях вопрос, когда и при каких обстоятельствах римляне начали различать кельтов и германцев и почему греки не различали эти два народа?

Как это ни странно, но впервые этноним «германцы» появляется именно у греческого историка и географа Посидония из Апамен (ок. 135–50 гг. до н. э.). Его труды до нашего времени не дошли, но интересующий нас фрагмент сохранился в изложении греческого эрудита III в. н. э. Афиня из Навкратиса, который в своем сочинении «Пир мудрецов» сообщал читателям, что «германцы, как повествует Посидоний в тридцатой книге, едят на завтрак куски жареного мяса, запивая молоком и неразбавленным вином» (Ath., IV, 39). Из этого сообщения сложно почерпнуть что-либо кроме самого имени германцев, которое уже было известно читателям Посидония, прежде чем Цезарь в своих «Записках о Галльской войне» ввел его в широкий оборот. Множество исследователей задавались и продолжают сегодня

задаваться вопросом, кем являлись эти германцы Посидония? Большинство специалистов сегодня склоняются к мнению, что этим именем греческий автор называл один из народов юго-восточной части Галлии, причем не обязательно по своему происхождению, языку и обычаям отличающийся от своих соседей.

От кого и как мог узнать Посидоний имя «германцы»? О его происхождении существует обширная литература. Ю. К. Кузьменко, автор замечательной монографии «Ранние германцы и их соседи» (2011), убежден что у нас нет достаточных оснований полагать, что этноним «германцы» восходит к самоназванию тех, кого этим именем называли римляне. Хотя, как вариант, это имя может быть буквальным переводом на латынь этнонима «свевы», (от *suēbōz с индоевропейским корнем *sue-, *se-, *s(e)uo- в основе со значением «свой»). Гораздо более вероятным ему кажется связь имени «германцы» с кельтскими корнями со значением «близость», «соседскость» (др.-ирл. корнем gaig- «близость»). Исходя из значений этих древнеирландских слов, автор полагал, что германцами кельты называли своих соседей, причем не только на правом берегу Рейна, но также живших в других областях, где зафиксирован этноним «германцы», в т.ч. в южной Испании и юго-западных Альпах (Plin. HN III, 25). Парадоксальным образом в этот ряд примеров попадают также и «германцы» Посидония, которые могли являться соседями кельтских обитателей Галлии. Римляне, в свою очередь, слышали в этом имени созвучие латинского прилагательного germanus, т.е. «истинный, чистый». Эта этимология, например, представлена у Страбона, опиравшегося на какие-то римские источники. Германцы, по его словам, во всем схожи с кельтами (Κελτοί или Γαλάτοι), но все их черты оказываются выражены более ярко. Они отличаются более высоким ростом, имеют более светлые волосы, храбрее в бою и т.д.

«Поэтому, – писал он, – римляне называли их «германцами» (Γερμανοί) как бы желая указать, что это «истинные» галаты (γνήσιους Γαλάτας). Ведь слово germani на языке римлян означает «подлинные» (γνήσιοι). (Strab., VII, 1, 2. Пер. Г. А. Стратановского).

Сложность всех этих этимологий состоит в отсутствии прямых указаний, что германские племена, которые первыми попадают в поле зрения греков и римлян вообще имели в это время какое-либо общее самоназвание и представление о себе как о едином народе. В этом смысле как само слово «германцы», так и те, кого этим именем обозначали, являлись изобретением их соседей римлян, для которых германцы должны были населять земли Германии, также как галлы – земли Галлии, испанцы – Испании и т.д. Но когда появилась Германия? Когда и от кого римляне узнали, что границы известной им Галлии простираются до Рейна, а на другом берегу реки начинается другая страна и другой населяющий ее народ?

Ответ на этот вопрос очевиден, этим автором был Гай Юлий Цезарь. Уже в первой главе I книги «Записок», в знаменитом вступлении, где он описывает границы Галлии и перечисляет проживающие в ней народы, он сообщает о зарейнских германцах, как о соседях галлов, с которыми те ведут непрерывные войны. Эту мысль о соседстве и вражде галлов и германцев, Цезарь неоднократно и настойчиво проводит и далее по тексту.

Впервые иметь дело с германцами Цезарю пришлось еще за год до своего появления в Галлии, когда по его, Цезаря, предложению, в 59 г. до н.э. сенат предоставил титул друга и союзника римского народа царю германцев Ариовисту. Мы помним, чем в итоге кончилась эта дружба всего год спустя после описываемых событий. Прежде чем рекомендовать сенату предоставить Ариовисту искомый им титул, Цезарь должен был как минимум, собрать информацию о его происхождении и отношениях с галлами. Одним из источников этих сведений наверняка являлся Посидоний. Хотя прямые заимствования из Посидония в тексте «Записок о Галльской войне» остаются недоказанными, его культурное влияние на их автора ощущается очень сильно. С наибольшей силой оно обнаруживается в той части VI книги «Записок», в которой Цезарь сравнивает образ жизни относительно цивилизованных галлов и совершенных варваров-германцев (Caes. BG., VI, 21-28). Выведенный здесь автором образ германцев как «благородных дикарей», лишенных благ цивилизации и потому не

знакомых с ее соблазнами, сильно контрастирует с обычным для него гораздо более негативным отношением к германцам, представленным в других книгах «Записок», и почти наверняка позаимствован у Посидония. Взято ли оттуда же характерное для текста Цезаря различие и даже противопоставление галлов и германцев? Посидонию, как это следует из вышеприведенного фрагмента Афинейя, определенно было известно имя германцев, хотя вопрос о том, в какой степени германцы для него были отличны от кельтов и других соседних племен, по-прежнему остается дискуссионным.

Различие в концепциях Посидония и Цезаря можно увидеть в этнической идентификации ими кимбров. Цезарь, который, как уже было заявлено выше, четко и недвусмысленно противопоставляет друг другу галлов и германцев, относит к последним также и кимбров. Наиболее очевидно его концепция сформулирована в I книге «Записок», в речи, в которой он пытается вдохнуть мужество в своих солдат, оробевших в преддверии встречи с германцами Ариовиста, неизвестным ранее и потому грозным противником: «Ведь с этим врагом померились на памяти наших отцов, когда Гай Марий разбил кимбров и тевтонов и войско явно заслужило не меньшую славу, чем сам полководец: померились недавно и в Италии во время восстания рабов, когда ему все-таки некоторую пользу принес полученный от нас опыт и дисциплина... Наконец, это все тот же враг, над которым часто одерживали победы гельветы, и притом не только на своей, но по большей части на его земле, а ведь гельветы никогда не могли устоять против нашего войска» (Caes. BG., I, 40. Пер. М. М. Покровского).

Идентификация германцев Ариовиста с тем же народом, к которому принадлежали кимбры и тевтоны, – противники римлян, уже знакомые им по победам, одержанным над ними Гаем Марием, – после Цезаря заявлена у Плиния Старшего (NH., IV, 100) и Тацита (Germ., 37, Hist., IV, 73), а также и многие других римских авторов.

Представления Посидония о происхождении кимбров и тевтонов менее очевидны, прежде всего из-за утери его текстов. Считается, что точка зрения Посидония нашла отражение в более поздних сочинениях Страбона, Плутарха и Аппиана. Из этих трех авторов Аппиан дважды

прямо указывает, что кимвры – это кельтское племя (App. BC., I, 4, 29; III., 8, 3). Позиция Плутарх более взвешенна: «О кимврах было неизвестно, – писал Плутарх, – что это за люди, или откуда они, словно туча, надвинулись на Италию и Галлию. Большинство полагало, что они принадлежат к германским племенам, живущим возле Северного океана, как о том свидетельствует их огромный рост, голубой цвет глаз, а также и то, что кимврами германцы называют разбойников... Но некоторые утверждали, будто земля кельтов так велика и обширна, что от Внешнего моря и самых северных областей обитаемого мира простирается на восток до Меотиды и границ Скифии Понтийской. Здесь кельты и скифы смешиваются и отсюда начинается их передвижение; и они не стремятся пройти весь свой путь за один поход и не кочуют непрерывно, но каждое лето снимаясь с места, продвигаются все дальше и дальше и уже долгое время ведут войны по всему матеруку. И хотя каждая часть племени носит свое имя, все войско носит общее имя – кельтоскифы. Третьи же говорили, что киммерийцы, знакомые в старину грекам, составляли только небольшую часть племени, ибо это были лишь предводительствуемые неким Лигдамидом мятежники и беглецы, которых скифы вынудили переселиться с берегов Меотиды в Азию, а самая большая и воинственная часть киммерийцев живет у Внешнего моря... Вот из этих-то мест и двинулись на Италию варвары, которых сперва называли киммерийцами, а позже кимврами» (Plut. Mar., 11. Пер. С. Ошерова).

Страбон также приводит несколько альтернативных версий, в том числе ту, о которой пишет Плутарх, при этом прямо ссылаясь на Посидония: «Посидоний – пишет Страбон – делает удачное предположение о том, что кимвры, как разбойничье и кочевое племя, совершали поход даже до области Меотиды; от них то и Боспор получил название «Киммерийского», как бы «Кимврского», так как греки называли кимвров киммерийцами» (VII, 2, 2. Пер. Г. А. Стратановского).

При этом как Страбон, так и Плутарх, жившие впоследствии и знакомые с множеством различных источников, как греческих, так и римских, скорее склоняются в пользу гипотезы германского происхождения кимвров. Как было известно Страбону, их потомки в его

время еще жили на территории Ютландского полуострова, откуда они присылали к Августу послов с просьбой забыть о проступках их предков. Посидоний, этими сведениями не располагавший, по-видимому склонялся к гипотезе о смешанном кельто-скифском происхождении кимвров (подобно кельто-иберам в Испании и кельто-лигурам в Альпах) или на основании сходства имен выводил кимвров от киммерийцев. Вопрос о происхождении племени «германцев», которых Посидоний помещал где-то в Галлии, в верховьях Рейна, как уже говорилось, из-за отсутствия сведений, остается открытым.

Почему же Цезарь, в прочих отношениях весьма бережно относящийся к сведениям Посидония, в этом случае создает собственную гипотезу происхождения германцев? В этом вопросе я предпочел бы примкнуть к тем историкам, которые полагают, что Цезарем в данном вопросе двигало чутье политика. Известно, что его действия в Галлии вызывали сильнейшую оппозицию со стороны его противников в Риме. Катон прямо призывал выдать его варварам, чтобы таким образом умилостивить богов за совершенные им преступления (Plut. Caes., 22; Svet. Iul., 24, 3; App. Celt., 18, 2). В борьбе за общественное мнение Цезарю неизбежно приходилось объяснять свои действия, и эта полемика ярко проявляется на страницах его «Записок». Одним из инструментов борьбы являются аллюзии происходящего на историю кимвров и тевтонов, которая значительной части современников Цезаря была знакома не понаслышке и которая должна была рождать сильнейший отклик с их стороны.

Уже в первой главе «Записок» читатели узнают, что германское продвижение на запад является не разовой акцией, а постоянным давлением, которое германцы оказывают на своих соседей. Белги, живущие на берегу Рейна в непосредственном соседстве с германцами, ежегодно ведут с ними непрекращающиеся войны, то отбивая их вторжения в свою страну, то воюя на их территории (Caes. BG., I, 1). Далее читатель узнает, что и сами белги по своему происхождению являются германцами, которые переправились через Рейн в незапамятные времена, выгнали прежних хозяев-галлов и сами обосновались на их землях (Caes. BG., II, 4). Кроме того, по эту сторону

Рейна Цезарь находит уже какое-то время живущих здесь германцев (germani cisrhenani Caes. BG., II, 3). В некоторых случаях пришельцы вторгаются в Галлию в поисках добычи, в других являются в качестве беженцев, сами будучи изгнаны из своих владений своими более воинственными соседями и, подобно узипетам и тенктерам, надеясь с оружием в руках отвоевать здесь для себя новую родину (Caes. BG., IV, 4). Эти перемещения и производимый ими «эффект домино» создали сложную картину расселения племен в бассейне среднего и нижнего Рейна, которую описывает Цезарь и которая находит подтверждение у более поздних авторов.

Здесь же ясно сформулировано представление об опасности, которые такого рода перемещения несут для римских интересов: «Он [Цезарь] понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся – по примеру кимбров и тевтонов – от перехода в Провинцию и оттуда в Италию, тем более что земли секванов отделяет от нашей Провинции только Родан» (Caes. BG., I, 33. Пер. М. М. Покровского).

Предостережение звучит тем более веско, что, согласно Цезарю, германцы Ариовиста – тот же народ, который уже вторгнулся из Галлии в Италию на памяти отцов ныне живущих римлян. Соответственно, чтобы не пришлось их отбивать по эту сторону Альп, как произошло при Марии, их следует остановить сейчас на Рейне.

Монзуль В. Ю.

НАРБ (Минск)

Роль вопроса о гражданско-правовом статусе италийских союзников Рима в деятельности трибунов-реформаторов конца II — начала I в. до н. э.

В конце II – начале I в. до н. э. в римской политической жизни стал обсуждаться вопрос об изменении гражданско-правового статуса италийских союзников Рима путём приобщения их к полному римскому гражданству. Проблема возникла из-за издержек римской политики